

Чешский полонофил Эдвард Елинек и тема России в его творчестве

Петр Калета

Университет им. Масарика
Брно, Чехия

The Czech Polonophile Edvard Jelínek and the Topic of Russia in his Work

Petr Kaleta

Masarykova univerzita
Brno, Czech Republic

Резюме

Имя чешского писателя и публициста Эдварда Елинека в кругах специалистов известно в связи с его интересом к польской тематике. Среди поляков у него также было больше всего друзей и коллег. Этому соответствовали и его многочисленные публикации, касавшиеся главным образом традиций польской культуры. Елинек, однако, был хорошо осведомлен о культурной, политической и общественной жизни в других славянских землях, что он применил на практике в качестве главного редактора журнала «Славянский сборник», выходившего в 1881 и после перерыва, в 1883–1887 гг. В настоящей статье мы покажем, что в ранних публикациях Елинек подробно развивал и темы, связанные с Россией, особенно с русской литературой, культурой и театром, а также с началом русско-чешских связей. Большинство этих текстов он печатал после своей первой поездки в Россию, начиная с 1877 г. В 1870-е гг. заметное влияние на него оказал российский офицер Николай Матвеевич Ендогуров, помогавший ему в Праге разобраться в некоторых славянских проблемах, а также улучшить знание русского

Цитирование: *Калета П.* Чешский полонофил Эдвард Елинек и тема России в его творчестве // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 1. С. 292–321.

Citation: *Kaleta P.* (2020) The Czech Polonophile Edvard Jelínek and the Topic of Russia in his Work. *Slověne*, Vol. 9, № 1, p. 292–321.

DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.1.10

языка. Начиная с 1880-х гг., однако, Елинек в нескольких статьях высказался по вопросам российско-польского конфликта, выражая несогласие с русификацией польской культурной среды и подчеркивая право польского населения на собственный язык. При этом его тексты не имели антирусской направленности; напротив, он признавал достоинства русской культуры. Тема российско-польских отношений звучала и в его художественном творчестве, например, в романе «Бабочка из Норвежской сказки».

Ключевые слова

Э. Елинек, полонофильство, русофильство, Н. М. Ендогуров, чешская печать, тема России

Abstract

In scholarly circles, the name of the Czech writer and journalist Edvard Jelínek is usually associated with interest in Polish topics. Most of his friends and scholarly contacts were Polish, which also was in line with his numerous publications concerning Polish cultural traditions. However, Jelínek also had significant knowledge of the cultural, political, and social life in other Slavic areas, which he utilized as the editor of «Slovanský sborník» (Slavic Proceedings), a journal focused on all Slavic areas (published in 1881, 1883–1887). In this article, we demonstrate that, mostly at the beginning of Jelínek's career, Russian topics also appeared in his texts, mainly Russian literature, culture, theater, and the issue of the beginning of Russian-Czech contacts. He published these texts primarily after his first visit to Russia in 1877. In the 1870s, the retired Russian officer Nikolaj M. Yendogurov had a significant influence on him, helping him to understand some Slavic issues and to perfect his knowledge of Russian. Starting from the 1890s, he expressed his opinions regarding the Russian-Polish conflict in several texts. There, he disagreed with the Russification of the Polish cultural environment and drew attention to the language rights of the Polish people. However, his works were not anti-Russian in character, and he expressed appreciation for Russian culture. The issue of Russian-Polish relations also appears in his literary prose works, e.g. in the novel «Motýlek z Norské pohádky» (The Butterfly from the Norwegian Fairytale).

Keywords

E. Jelínek, Polonophilism, Russophilism, N. M. Yendogurov, Czech publications, Russian topics

1. Введение

Писатель, переводчик и публицист Эдвард Елинек (1855–1897) был одним из чешских образованных самоучек, которые в последней трети XIX в. интересовались славянской проблематикой и, сосредоточившись на изучении одного или нескольких славянских народов, информировали о них общественность на страницах книг и периодической печати. С самого начала проявляя интерес прежде всего к польским делам, Елинек вскоре стал главной фигурой в среде чешских полонофилов. Эту

его репутацию подкрепляли сотни опубликованных им статей, сообщений, рецензий, переводов и значительное число сочинений, вышедших в виде книг¹. Однако Елинек занимался не только польскими сюжетами²: в его наследии мы находим также работы о лужицких сербах, о южных и восточных славянах. Его публикации на русские темы, которые в количественном отношении находятся на втором месте после полонистических работ, до сих пор не были предметом специального изучения. Опорными для нашего исследования стали лишь фрагментарные сведения, которые сообщают Йозеф Йирасек [Jirásek 1945: 185–188] и Отакар Бартош [Bartoš 1963]. Основным же источником для нашей статьи послужили публикации Елинека³ в периодике того времени, изданные им воспоминания, а также беллетристические сочинения, к каким относятся в основном его очерки. Значительная часть публикаций Елинека рассредоточена по разным изданиям и до сих пор не собрана воедино; в особенности это касается его работ за пределами полонистики. Наша задача — показать картину России и русской культуры, какой представлял ее Елинек в своих публикациях начиная со второй половины 1870-х гг. В статье мы уделяем основное внимание русским темам (некоторые из них, связанные с первыми проявлениями интереса чехов

¹ Это, например, книги «Польские женщины и девушки. Незабудки из книг дорог и жизни» («Polské paní a dívky. Nezabudky z knih cest a života»; Прага, 1884), «Казацкие очерки» (Črty kozácké; Прага, 1885), «Литовские очерки» («Črty litevské»; Прага, 1886), «Ради чешско-польского согласия. Несколько заметок насущных и исторических» («Pro shodu česko-polskou. Několik úvah věcných i historických»; Прага, 1887), «Дамы давних польских салонов» («Dámy starších salonův polských»; Прага, 1888), «В гостях у славян. Воспоминания» («Slovanské návštěvy. Paměti a vzpomínky»; Прага, 1889), «Варшавские очерки» («Črty varšavské»; Прага, 1890), «Письма о чешской выставке» («Listy o wystawie szeskiej»; Краков, 1891), «Письма о делах моравских, написанные чехом» («Listy o guezczach morawskich pisane przez Czecha»; Краков, 1894) и многие другие.

² Существующая литература о Елинеке посвящена в основном его полонистическим интересам, см.: [Juřina 1951; Jaroszewicz-Kleindienst 1968] и др.

³ Довольно обширное архивное наследие Эдварда Елинека хранится в Литературном архиве Музея национальной письменности в Праге. Преобладающую часть фонда составляют письма чешских и польских корреспондентов. Переписка с русскими авторами занимает скромное место. Сохранились только письма и визитные карточки следующих лиц: Н. П. Апраксин, П. А. Верещагин, Н. М. Ендогуров, В. П. Карпов, П. А. Кулаковский и Т. Д. Флоринский, причем во всех случаях это от одной до четырех единиц хранения. Переписка с российскими учреждениями в наследии Елинека не представлена, имеются лишь рукописи нескольких небольших заметок, затрагивающих темы, связанные с Россией. Кроме личного архива, заслуживает внимания также библиотека Эдварда Елинека, которая насчитывает порядка 2000 томов. После смерти владельца его брат Виктор Елинек 8 апреля 1897 г. передал это собрание книг в дар Национальному музею в Праге. В наши дни они разобшенно хранятся в библиотеке Национального музея. В первую очередь это польские книги, однако среди них попадаются и некоторые русские. Другая часть библиотеки Елинека (в основном книги на чешском языке) находится в Ягеллонской библиотеке в Кракове, см.: [Jelínek].

к России, мы осветим подробнее⁴), лишь в исключительных случаях упоминаем о Литве и Белоруссии, но не касаемся украинской проблематики. Так как противоречивой составляющей формировавшегося у Елинека образа России был польский элемент, в настоящей статье мы с неизбежностью затронем и польскую проблематику.

2. Влияние Н. М. Ендогурова на увлечение Елинека славянами

Начало интереса Елинека к славянским и в первую очередь к российским делам связано с личностью российского подполковника в отставке Николая Матвеевича Ендогурова, который в середине 1870-х гг. переехал на постоянное жительство в Прагу, где поселился в доме на нынешней набережной Сметаны, в районе бывших бань Папоушека (в наши дни на их месте стоит дом, известный под названием «Бельвю»). В Праге Ендогуров вращался в среде русских прихожан православного храма св. Николая, освященного в августе 1874 г. Подполковник, с самого начала благожелательно относившийся к чешскому языку и чешской общественности, начал устраивать у себя дома чайные вечера, в которых обычно участвовало несколько человек, говоривших по-русски. Из известных представителей чешской интеллигенции, посещавших вечера у Ендогурова, можно назвать, например, юриста и политика консервативной ориентации Франтишека Августа Браунера (1810–1880). Этот «старочех» был пламенным русофилом и всегда горячо приветствовал в Праге русских гостей, поэтому не удивительно, что он наведывался к Ендогурову, хотя его русский язык, вероятно, был — по словам писателя Антала Сташека — далек от совершенства⁵. В то время молодой Елинек с несколькими другими чехами брал уроки у псаломщика церкви св. Николая, в дальнейшем — первого настоятеля церкви св. Петра и Павла в Карловых Варах, Николая Петровича Апраксина (1847–1907) [Русский православный храм... 2007: 130–135], у которого усердно учился русскому языку⁶.

Ендогурову полюбился молодой чешский славянофил Эдвард Елинек, который также начал захаживать к подполковнику в гости. Повидавший многое Ендогуров стал для Елинека важным посредником в деле более основательного знакомства со славянством. К сожалению, никакие сведения о карьере офицера до его приезда в Прагу до нас не

⁴ При разысканиях сочинений Елинека на русские темы нашим главным ориентиром была библиография, составленная В. Юржиной [Juřina 1951: 126–139].

⁵ О русофильстве Браунера см. [Dolanský 1959: 34].

⁶ «Театральные посиделки (веселые и меланхолические)», чешское название — «Divadelní táčky. (Veselé i melancholické)». Цит. по: [Černý 1904: 51]; см. также: [Jirásek 1945: 187].

дошли, поэтому мы можем лишь догадываться о некоторых обстоятельствах его прежней жизни. Пытливый Елинек внимательно его слушал, и кое-что запомнилось ему на всю жизнь: в частности, упоминание о польском восстании. «Также о поляках он многое мне рассказывал, а именно о последнем восстании, притом всякий раз с какой-то меланхолией в лице и голосе. Думаю, что Николай Матвеевич в злосчастном восстании лично участвовал...»⁷.

Эдварду Елинеку русский подполковник тоже с самого начала понравился. Взаимная приязнь позволила им в дальнейшем наладить более тесное сотрудничество. Так, Ендогуров внес весомый вклад в подготовку первой поездки Елинека по славянским землям в 1876 г., когда последний посетил Краков, Варшаву, Вильно и Петербург. Сильное впечатление, прежде всего из-за гнетущей атмосферы напряженности, на молодого чешского путешественника произвел переезд австро-русской границы, а позднее — Варшава. Он познакомился с богатой местной культурной жизнью, но, как человек, которому были новинку здешние политические и национальные трения, уловил также ощущение конфликта между польской и русской средой. В своих воспоминаниях он замечал по этому поводу: «Русский язык, к которому я питал огромную, в самом широком смысле слова, симпатию (и с этой симпатией пересек российскую границу), начал мне быть в Варшаве... не по душе»⁸. Российский Петербург, следующая остановка на его пути, показался молодому Елинеку уже не таким славянским, как Варшава, зато там он в полной мере проникся сознанием русской силы и мощи. О русском языке в Петербурге он написал:

Гигантская масса русского языка, которая здесь обрушивается на тебя всем своим величием, льстила славянскому чувству. Что мне в Варшаве казалось неуместным, что меня там расстраивало, здесь наполняло чувством какого-то удовлетворения⁹.

Первым, кого навещил Елинек по возвращении, был не кто иной, как Н. М. Ендогуров, которому писатель подробно рассказал о своих впечатлениях от Петербурга, Варшавы и Литвы.

Ендогуров не только активно изучал чешский язык, но занимался также переводами с чешского на русский, дабы познакомить читающую публику в Российской империи с чешской словесностью. В помощники

⁷ «Варшава. Путешествие первое» («Varšava. První cesta»). Цит. по: [Černý 1904: 99]. Здесь и далее перевод из Елинека наш.

⁸ «Варшава. Путешествие первое», цит. по: [Černý 1904: 109]. В оригинале: «Ruština [...] začala se mně ve Varšavě... nezamlouvat».

⁹ «Варшава. Путешествие первое», цит. по: [Černý 1904: 110–111].

себе он выбрал Елинека, который, хотя еще не настолько хорошо освоил русский язык, но, приложив все старания, при помощи словаря помог Ендогурову перевести пьесы «Ян Гус» («Jan Hus») Йозефа Каетана Тыла, «Элишка Пршемысловна» («Eliška Přemyslovna») Вацлава Влчка и «Смерть Жижки» («Žižkova smrt») Йозефа Иржи Коларжа. Елинек вспоминает, что подполковник, опасаясь российской цензуры, медлил с отправкой этих переводов в московский театр. В некрологе Ендогурову, упоминая о его военной карьере и жизни в России, Елинек отмечает:

Ендогуров был русским патриотом, он всем сердцем любил свой народ, говорил о нем с неизменным воодушевлением и любовью, но вернуться в Россию — насколько мне известно — не хотел. В Чехии он чувствовал себя как дома [...] [Jelínek 1877f].

Наряду с переводами и литературным трудом Ендогуров занимался также рисованием и живописью. Его живописные работы предназначались главным образом для церкви (одна из них, по словам Елинека, была вывешена в церкви св. Николая); кроме того, он рисовал портреты выдающихся представителей российской истории и литературы. Умер он в Праге 7 ноября 1877 г. и был похоронен на Ольшанском кладбище¹⁰. Воспоминания о старшем русском друге Елинек пронес через всю оставшуюся жизнь, а предисловие к одной своей небольшой работе «Украинские думы» («Ukrajinské dumy»; Прага, 1888) предварил посвящением: «Памяти русского подполковника Николая Матвеевича Ендогурова, отечески покровительствовавшего мне в молодые годы» [Jelínek 1888].

3. Русская проблематика в ранней публицистике Елинека

Начиная свою научную и публицистическую деятельность, проникнутую глубоким интересом к славянской культуре и истории, Елинек усердно собирал любой доступный материал из всех, насколько было возможно, славянских областей. Итогом этих занятий стала обширная статья «Духовные труды побратимских народов славянских в 1876 году» («Duševní práce pobratimých národův slovanských v r. 1876») [Jelínek

¹⁰ Ендогуров был похоронен на втором участке III отделения, могила № 215. На средства чешского писателя Й. Ранка на могиле был установлен крест и надгробие с фотографией. Эти сведения приводит Владимир Сис: в своей публикации он, однако, неверно указал год смерти Ендогурова: 1871 вместо 1877 [Sis 1929: 54].

Могила Ендогурова на Ольшанском кладбище в Праге, согласно регистрационной записи в информационном центре, все еще существует. Саму могилу нам, однако, не удалось обнаружить даже с помощью работников кладбища, поскольку значительная часть надгробий на этом участке заросла плющом. Последний снимок надгробия Ендогурова находим в книге [Szabo 2010: 64 (фото), 72 (текст)].

1877с] — своего рода комментированный библиографический обзор за указанный год. Елинек дал положительную оценку развития славянской литературы, которая, по его мнению, постепенно догоняла передовые европейские литературы по своему уровню. Это заметно уже в авторском предисловии:

Нет сомнения в том, что литература славянская, несмотря на все неблагоприятные обстоятельства, оказавшие пагубное влияние на отдельные племена, достигла такой высоты совершенства, что ее можно поставить вровень с любой из литератур мира, которых не коснулись никакие зловключения [Jelínek 1877с: 285].

В своем обзоре, разбитом на части по областям гуманитарного знания, он уделил основное внимание польским и русским сочинениям, но не забыл и о южных славянах.

В качестве важнейшего в России научного учреждения, осуществлявшего исследовательскую и издательскую деятельность, Елинек назвал Императорское Русское историческое общество с журналами «Русский архив» и «Русская старина». В своей статье он отметил и некоторые работы, опубликованные в этих журналах, присовокупив к ним несколько наиболее примечательных монографий по истории: например, очередные тома монументального сочинения Соловьева «История России с древнейших времен». Автор не упустил из вида и переводы зарубежных трудов, вышедшие в России, и новейшие литературно-критические, библиографические, юридические или философские сочинения, упомянул и продолжающееся издание «Русского энциклопедического словаря» И. Н. Березина. О российском языкознании автор пишет коротко, указывая, что объем литературы, выходящей в этой области, весьма значителен и что российским лингвистам принадлежит ведущее место среди славян. В области поэтического творчества он выделил стихотворения А. К. Толстого и Я. П. Полонского, отметив, что русская поэзия издавалась и за границей (произведения Пушкина и Лермонтова в Лейпциге). В связи с особым интересом к театру Елинек уделил немало места славянской драматургии. Говоря о России, он подчеркнул, что развитию драматургии здесь способствует объявление конкурсов с денежными премиями. Ситуацию российских драматургов он оценил позитивно: «Драматург в России вообще находится в намного более благоприятном положении, чем в других славянских землях, и плоды его труда составляют его доходный капитал, на который никто не вправе покушаться»¹¹ [Jelínek 1877с: 301]. Кроме

11 В оригинале: «[...] plody jeho jsou výnosným jeho kapitálem, kterého se nikdo dotknouti nesmí».

опубликованных пьес Островского, он называет, например, и некоторые сочинения А. К. Толстого и В. А. Александрова.

Разумеется, в своем обзоре Елинек не мог обойти вниманием славянский роман. В этой области он однозначно признает величайшими творцами Тургенева у русских (его он называет самым переводимым из славянских авторов) Крашевского у поляков. У Тургенева Елинек подчеркивает умение прекрасно выразить душу русского народа. Перечисляет он и некоторые новые сочинения других выдающихся писателей (в частности, Л. Н. Толстого), как и переиздания более ранних произведений. В разделе о журналах, выходящих в отдельных славянских странах, он указал на доминирующую роль российских, которые в то время вполне могли сравниться с лучшими французскими или английскими периодическими изданиями. Российские журналы насчитывали значительное количество сотрудников и подписчиков, и взыскательный читатель получал на их страницах подробное представление о русской литературе. В конце Елинек не забыл упомянуть и о зарубежных центрах, издающих новейшие произведения русской литературы, и иногда журналы, — таких как вышеупомянутый Лейпциг, а также Берлин и Лондон. В заключение чешский публицист остановился на сочинениях, посвященных славянской взаимности, среди которых преобладали работы русских авторов. Здесь он отметил описания путешествий российских ученых в Чехию и к южным славянам. Оценивая ситуацию в целом, он констатировал, что идее славянской взаимности до сих пор наименьшее внимание уделяли поляки, что объяснял проблемным характером их отношений с некоторыми славянами. В самом конце Елинек поместил перечень недавно умерших славянских писателей и ученых.

В этой статье Елинек, только начинавший свою публицистическую деятельность, выступает последователем идеи славянской взаимности Яна Коллара: не случайно литературную продукцию разных славянских народов он трактует здесь как единое целое. И уже в этот период его творчества заметно стремление автора не вставать на сторону одного из славянских народов, а как можно объективнее информировать о культурной жизни различных регионов и о некоторых их политических проблемах.

Наряду с объемными работами Елинек начал публиковать в чешской периодике сообщения о литературе и культуре отдельных славянских областей. Например, после возвращения из первой поездки по России он напечатал сообщение о III томе петербургского «Славянского сборника», который заинтересовал Елинека как разнообразием славянских сюжетов, так и тем, что значительная его часть была посвящена

польской проблематике [Jelínek 1877b]. Углубляя свои познания в области истории русской словесности, Елинек обратил внимание на «Домострой», один из важнейших русских исторических источников XVI в., с которым он познакомил чешских читателей в статье 1879 г. «Домострой. Страница из истории общественной жизни на Руси» («Domostroj. List z dějin společenského života na Rusi») [Jelínek 1879a].

Посещение Петербурга сильно подействовало на молодого Елинека, что отразилось в нескольких его путевых очерках. Особенно ошеломляющее впечатление произвела на него река Нева, которой Елинек посвятил очерк «На Неве» («Na Něvě») [Jelínek 1877e]. Здесь он, не скрывая восторга, поделился воспоминаниями о прогулке на корабле. Он перечисляет значительные сооружения и архитектурные доминанты города, мимо которых проплывал, и коротко характеризует их. Стараясь быть понятным чешским читателям, автор перемежает свой текст отрывками из стихотворения чешского писателя Антала Сташека «На Неве» («Na Něvě»; 1843–1931). Уже в начале своего очерка Елинек пишет, как вид славной реки укреплял его мощное чувство:

Всякий раз, приближаясь к Неве, я замедлял шаг и задерживался, ибо столько интересного и разнообразного заключено в ней, что иностранец, коему дано несколько мгновений наслаждаться ее красотами, не в силах от нее оторваться, хотя бы сотни дел призывали его идти дальше [Jelínek 1877e: 34].

В очерке «Фонтанка» («Fontanka») [Jelínek 1877d] Елинек сосредоточился на описании всевозможного товара в лавках русских мелких торговцев и их обычаев, с которыми он столкнулся, гуляя по берегам этой протоки Невы в Петербурге. Здесь он красочно передает атмосферу традиционного русского рынка и лавочек 1870-х гг., где продавалось все что угодно. Елинек подчеркивает настойчивость, ловкость и усердие петербургских лавочников, и не скрывает, как понравилось ему то, что он не увидел среди них ни одного еврея¹². Здешнюю торговлю он находит «чисто русским» явлением. Говоря о русских торговцах, автор пишет: «Никакому еврею не превзойти их в этом отношении, чем и объясняется то, что вдоль всей Фонтанки я ни единого еврея не заметил» [Jelínek 1877d: 303]. Восхваляя сметливость русских торговцев, Елинек умалчивал об ограничениях для евреев в царской России, в частности, о «черте оседлости». В связи с господствующим положением русских торговцев он прибавляет:

¹² Как это было довольно обычно в атмосфере, царившей в Европе в конце XIX в., отношение Елинека к еврейскому населению было в целом не слишком благоприятным. В данном фрагменте текста он, однако, хотел особо подчеркнуть то, что славяне вполне могут сравниться с евреями и в такой традиционной для них области, как торговля.

Вообще достойно внимания, что еврей, который особенно в новое время охватил своей коммерцией едва ли не весь мир, из России до сего дня не выжал ни малейшей выгоды. Израэлиту не тягаться с русским купцом, и если он явится к русскому купчику, добром для него это не кончится¹³ [Jelínek 1877d: 303].

Елинек, который приобрел у местных «купчиков» немало вещей (как водится, торгуясь), включил в свой очерк даже один русский анекдот — опять же о том, что еврейскому торговцу не сравниться с русским.

Будучи заядлым театралом, Елинек во время своих поездок в Россию и разделенную Польшу с самого начала пристально наблюдал за местной театральной жизнью. Первые свои впечатления о драматургии двух славянских соседей, подкрепленные изучением специальной и популярной литературы, он печатал на страницах нового чешского журнала «Музыкальный и театральный вестник» («Hudební a divadelní věstník»), выходявшего в 1877–1888 гг. Вначале это была публикация о польских театрах, а вскоре за ней последовала статья «Славянские театры. II. Петербург» («Divadla slovanská. II. Petrohrad») [Jelínek 1877a]. Современную русскую драматургию, прежде, по его мнению, отстававшую от западноевропейской и польской, он считал одной из лучших на континенте. Российская столица Петербург была в это время и мировой театральной столицей. Помимо русских, там существовали и итальянская опера и балет, немецкий и французский театры. Эдвард Елинек наблюдал все это разнообразие с нескрываемым восторгом. Его восхищали колоссальные петербургские здания театров и впечатляющий состав исполнителей, выступавших на их подмостках. Удивила его довольно высокая цена входных билетов на оперу (на балет, по его словам, билеты стоили вдвое меньше) в Большом театре. Чешский путешественник был поражен богатым репертуаром петербургских театров, которые, как видно из его текста, он с интересом посещал. Наряду с известными актерами он пишет и о драматургах. В доказательство их высокого положения в обществе он сообщает, что Людмиле Шестаковой, сестре М. И. Глинки, после смерти композитора выплачивалась из царской казны пенсия в 1500 рублей в год.

В эти годы Елинек подробно изучал также литературу о первых шагах русского драматического искусства и о его выдающихся представителях. Особенно его заинтересовала фигура одного актера и драматурга, которому он посвятил публикацию «Из мемуаров русского актера П. А. Каратыгина» («Z paměti ruského herce P. A. Karatygina») [Jelínek

¹³ В оригинале: «Vůbec jest pozoruhodno, že žid, který jmenovitě v nové době celý téměř svět obchodem svým ovládnul, z Ruska do dnešního dne ani nejmenšího nevytěžil. Vedle ruského kupce neobstojí israelita, a přijde-li k ruskému kupčiku, dobře nepochodí».

1889: 89–102]¹⁴. В ней, основываясь прежде всего на воспоминаниях этого театрального деятеля, напечатанных в журнале «Русская старина», Елинек охарактеризовал не только жизненный и творческий путь Каратыгина, но и вообще театральную жизнь в России прежде всего в 1830-е гг. В статье, однако, допущены некоторые неточности: в частности, указывается, что актер умер 9 мая 1839 г. [Jelínek 1889: 102], тогда как настоящая дата его смерти — 24 сентября (6 октября) 1879 г.

Установив контакты с редакциями зарубежных журналов, Елинек в свою очередь стал посылать туда статьи о чешском театре. В основном это были польские, но также и русские периодические издания. Так, известно, что для петербургского литературно-художественного еженедельника «Искусство» (№ 23 за 1883 г.) он написал статью «Национальный театр», в которой показал значение пражского Национального театра для чешского народа [Jirásek 1945: 187].

После 1876 г. Елинек стал много писать на славянские темы. Хотя основная масса его статей касалась польских земель, русская проблематика для него была тоже очень важна. В доступных ему источниках Елинек искал различные сведения о контактах русских с другими славянами. В итоге он собрал материал для статьи о начале чешско-русских связей на рубеже XVIII–XIX вв., озаглавленной «Русские в Праге (1799–1813)» («Rusové v Praze (1799–1813)») [Jelínek 1878]. В ней он информировал чешских читателей о пребывании союзнических российских войск в Чехии, и прежде всего в Праге, во время французских революционных войн (в период Второй коалиции) и в конце наполеоновских войн. Речь шла о фактически наиболее раннем непосредственном соприкосновении чешского населения с русскими, которое затем оказало немалое влияние на ориентиры чешского движения возрождения в XIX в. В первой части статьи Елинек описал ситуацию между 11 и 21 июля 1799 г., когда через Прагу прошло более 35 000 солдат вспомогательной русской армии. Главным источником для него стала глава «Марш вспомогательного войска русского столичными городами пражскими» («Tažení pomocného vojska ruského přes hlavní města pražská») [Rulík 1800: 198–202], входящая в «Календарь исторический» («Kalendář historický») пражского деятеля чешского возрождения Яна Рулика (1744–1812). Елинек воспроизвел с мелкими поправками изложенное Руликом и вслед за ним подчеркнул, что чехи в то время сблизились с русскими солдатами, прежде всего благодаря родству русского и чешского языков. Пражане проявляли уважение к русским военным и считали для себя честью, если могли засвидетельствовать кому-либо из них свое почтение. На тот же источник Елинек опирался в следующей,

¹⁴ Оригинал статьи 1879 г. нам в чешской печати того времени найти не удалось.

более короткой части статьи, посвященной пребыванию генералиссимуса А. В. Суворова (1730–1800) и его штаба в Пльзене и особенно в Праге, куда он прибыл 20 декабря 1799 г. [Rulík 1800: 256–258]. Из-за разногласий между Россией и Австрией русские войска после побед, одержанных над Францией на севере Италии, были отозваны, и Суворов с лаврами успешного военачальника возвращался через Чехию обратно в Россию. Его пребывание в Праге в течение пяти недель, когда он квартировал в доме полковника Якуба Виммера, расположенном в одном из престижнейших в то время районов Нового города на улице На Пршикопех, было знаменательным общественным событием для пражан, которые внимательно следили за каждым шагом русского военачальника.

Во второй раз Прага стала местом пребывания ряда заметных российских деятелей в завершающий период наполеоновских войн. После того как 27 августа 1813 г. армии Австрии, Пруссии и России потерпели поражение от Франции в битве под Дрезденом, французские войска начали продвигаться на чешскую территорию. Русский царь с двумя великими князьями и многочисленной свитой находился в Праге, тогда как российская армия направилась на северо-запад Чехии, где 29–30 августа 1813 г. в окрестностях населенных пунктов Хлумец и Пршестанов близ города Усти-над-Лабем в значительной мере способствовала победе австро-пруссских войск над силами французского генерала Доминика-Жозефа Вандама. Особая заслуга русских была в том, что они остановили наступление французов на Прагу [Pernes et al. 2003: 234]. Елинек излагает ход этих событий главным образом на основании мемуаров российского адмирала и писателя А. С. Шишкова (1754–1841) [Шишков 1870], который вначале сопровождал русскую армию, двигавшуюся к Хомутову, но затем из-за болезни вынужден был вернуться в Прагу, где находились вышеперечисленные представители верхушки российского общества. Елинека в записках адмирала заинтересовало как то, что русские в Праге страдали от отсутствия чая, который был в Чехии редкостью, так и то, что Шишков в Праге часто принимал у себя одного из основоположников славистики Й. Добровского (1753–1829) и других чешских патриотов, с которыми обсуждал проблемы славянства.

Битва под Хлумцем унесла не менее 6 000 жизней со стороны союзников (преимущественно русских); еще больше потерь было у французов. Кроме того, на поле боя остались тысячи раненых, которых перевозили в госпитали в близлежащие города Северной и Центральной Чехии вплоть до Праги. Елинек со слов Шишкова сообщает, что большинство русских раненых было размещено в пражских лазаретах, где многие из них вскоре скончались от полученных ран. Похоронили их

на военном кладбище в районе Жижкова. Шишков тогда написал обращение к пражанам с просьбой пожертвовать средства для сооружения памятника погибшим солдатам. Вскоре было собрано достаточно денег, и памятник был установлен¹⁵. Более шестидесяти лет спустя Елинек хотел напомнить чешским читателям об этих важных событиях истории чешско-русских отношений.

Материалы из этой статьи, связанные с пребыванием в Чехии российских солдат и офицеров, Елинек использовал также в обширной публикации «Славянская взаимность в Чехии» («Vzájemnost slovanská v Čechách») [Jelínek 1879d], печатавшейся с продолжением в нескольких номерах журнала «Коледа» («Koleda») за 1879 г. В ней он дал подробный обзор связей чехов с остальными славянами и охарактеризовал концепцию славянской взаимности у ведущих фигур чешского национального движения, в которой связи с Россией играли ключевую роль. В этой обзорной работе автор не ставил своей целью освещать и разбирать споры между отдельными славянами и теневые стороны их отношений. Однако он все же обратил внимание и на некоторые разногласия, например, на речь политика «старочешской» ориентации Франтишека Ладислава Ригера, произнесенную 2 июня 1867 г. в Сокольниках в рамках так называемого паломничества славян на Русь. В своей речи Ригер высказался по вопросу русско-польских отношений и по поводу отсутствия среди «паломников» поляков. Елинек для своей статьи выбрал ту часть речи Ригера, в которой чешский политик указал на ошибочные взгляды российской стороны, заявив, в частности, что истинный панславизм может быть достигнут лишь тогда, когда каждый славянин будет уважать самобытность и права другого славянина [Jelínek 1879d: 71]. Ф. Л. Ригер, однако, говорил и об ошибках поляков, о том, что восстание 1863 г. было несчастьем для них и всего славянства [Prelog 1931: 102–103]. Этой своей речью Ригер нажил себе врагов как в России, так и среди поляков.

Елинек основательно знакомился с наследием выдающихся деятелей славянского мира и рассказывал о них читателям чешских периодических изданий. Одним из тех, чьи усилия нашли у чешского автора отклик, был известный российский историк и писатель Погодин (1800–1875), которому он посвятил статью «Михаил Петрович Погодин в Польше и в Чехии» («Michail Petrovič Pogodin v Polsku a v Čechách») [Jelínek 1879c]. Примечательно объединение в статье чешской, польской

¹⁵ В 1945 г. памятник русским солдатам и офицерам, умершим в 1813 г. в Праге после военных действий на территории Саксонии и Северной Чехии, был перемещен с I коммунального кладбища на место захоронения красноармейцев на Ольшанском кладбище.

и русской тематики, т. е. всего того, что было приоритетным для Елинека. Главным источником для статьи стали российские публикации¹⁶, в том числе сочинения самого Погодина. В контексте отношения русского историка к полякам и чехам представляет интерес такая фраза Елинека: «Польский “патриотизм” не вызывал у него издевательской усмешки, а чешская “заброшенность”, “убогость” — неуважительного отношения либо пренебрежения»¹⁷ [Jelínek 1879с: 486].

Говоря о контактах Погодина с польскими коллегами, автор отметил, прежде всего, его общение со славистом Самуэлем Линдой (1771–1847) и познакомил читателей с некоторыми важными высказываниями историка о русско-польских связях, например: «Мы будем учиться польскому, а поляки — русскому, и таким образом мы будем все яснее сознавать наше братство» [Jelínek 1879с: 486]. Впрочем, Елинек к этому добавил, что Погодин изменил некоторые свои прежние взгляды после польского восстания 1863 г., выступив против требований и действий поляков. Из обширных контактов Погодина с чешскими патриотами автор статьи упомянул его дружеские связи с библиотекарем Патриотического музея Чехии (ныне Национальный музей) русофилом В. Ганкой, панславистами историком П. Й. Шафариком и поэтом Я. Колларом, физиологом и деятелем национального возрождения Я. Э. Пуркине и др. В заключение Елинек сообщил, что Погодин составил для российского министерства просвещения обзор о современном положении славян, в котором, в частности, отстаивал права чехов и поляков. Чешский сочинитель выражал сожаление в связи с тем, что в России не было услышано пожелание Погодина, чтобы польскому языку уделялось должное внимание в образовательных учреждениях и в общественной жизни Царства Польского.

На склоне лет российский историк в последний раз посетил Прагу, где, кроме прочего, присутствовал на театральном представлении по комедии И. А. Крылова «Пирог», которое было дано в память о хорватском поэте Петаре Прерадовиче (1818–1872). В спектакле, поставленном на русском языке, роль Милона, любовника Прелесты, сыграл молодой Эдвард Елинек. С ролью он, вероятно, справился хорошо (хотя сам критически отзывался о своем исполнении), поскольку, по его словам, его игру похвалил сам Погодин¹⁸.

Важной темой для публикаций Елинека стало освещение деятельности выдающихся женщин в славянском обществе. Особое внимание

¹⁶ Прежде всего работа Н. А. Попова «М. П. Погодин как славянский публицист» (Попов Н. А. Родное племя. Москва, 1877).

¹⁷ В оригинале: «Polské “vlastenectví” nevzbuzovalo v něm zlověstné úšklebky a česká “opuštěnost”, česká “chudoba” nevedly ho k nevážnosti neb dokonce k snižování».

¹⁸ «Театральные посиделки (веселые и меланхолические)», цит. по: [Černý 1904: 52–53]; см. также: [Jirásek 1945: 187].

он уделял женщинам в польской культуре¹⁹, однако искал параллели этой темы и в российской среде. Здесь его заинтересовала история Е. Р. Дашковой (1743–1810. Основываясь на изучении опубликованных мемуаров Дашковой, других документов того времени и специальной литературы, Елинек в статье «Княгиня Екатерина Романовна Дашкова. Страница истории общественной и государственной жизни на Руси» («Kněžna Kateřina Romanovna Dašková. List z dějin společenského a státního života na Rusi») [Jelínek 1880a] представил ее чешским читателям как личность, которая, для того чтобы заручиться благосклонностью влиятельных особ, не раз прибегала к интригам, за что на родине ее не слишком любили.

На страницах ежедневной прессы чешский литератор печатал сообщения и очерки, посвященные разнообразной славянской проблематике — в том числе русской. Здесь можно назвать, например, очерк «Семья русских миллионеров (Демидовы)» («Rodina ruských milionářů. (Demidové.)») [Jelínek 1880b], где автор познакомил чешских читателей с некоторыми представителями этого богатого рода и обрисовал их деятельность.

Кроме культурных, литературных и исторических тем, сочинитель описывал и характерные особенности славянских народов. В одной из своих заметок под названием «Характеры в речи славянской» («Karakteristika v mluvě slovanské») [Jelínek 1879b] он пытался показать, как отражают национальный характер двух соседних славянских народов, русских и поляков, часто используемые в их речи слова и обороты. Национальный характер русских, по его мнению, передает слово «ничего», которое можно услышать в избе и во дворце, в деревне, и в городе. Елинеку в нем слышалось некое всепроникающее спокойствие — антипод отчаяния и жалоб. Сравнивая затем русский национальный характер с польским, он заметил: «Если дух русский обнаруживает неоспоримую простоту, глубину и явное нерасположение к соблюдению так называемых пустых формальностей, то едва ли не полная противоположность этому проявляется в Польше»²⁰ [Jelínek 1879b: 1].

1880 год условно завершает первый этап публицистической деятельности Елинека, когда он посылал свои работы на русские темы в чешскую прессу (чаще всего в журнал «Лумир» («Lumír»)), завязав тем самым ценные контакты на будущее в редакциях ведущих чешских периодических изданий. В эти годы он также обзавелся друзьями и

¹⁹ Ср., например, «Польские женщины и девушки. Незабудки из книг дорог и жизни» («Polské paní a dívky. Nezabudky z knih cest a života», Прага, 1884) или «Дамы давних польских салонов» («Dámy starších salonův polských», Прага, 1888).

²⁰ В оригинале: «Jeví-li se v duchu ruském nepopíratelná prostota, jadrnost a patrná nechuť ku holdování tak zvaným zbytečným formalitám, jeví se téměř pravý opak toho v Polsku».

установил связи с коллегами в кругах зарубежных славистов, что вскоре оказалось весьма полезным. Пять больших своих ранних публикаций, посвященных русским сюжетам, Елинек вновь издал в конце 1880-х гг. в книге «Славянские очерки из жизни общественной, литературной и художественной» («Slovanské črty ze života společenského, literárního i uměleckého»; Прага, 1889)²¹.

4. Редактор «Славянского сборника»

Опыт, приобретенный Елинеком в ходе путешествий в славянские земли, изучения литературы и публикации своих работ на родине и за рубежом, внушил ему идею создать новый специальный журнал, посвященный всем славянским регионам, который первоначально назывался «Сборник славянских статей из области этнографии, истории культуры, литературной и общественной жизни» («Sborník slovanských statí z oboru národopisu, kulturní historie a dějin literárního i společenského života»; 1881). Елинек намеревался печатать в «Славянском сборнике»²² специальные, научно-популярные статьи и образцы литературы (прозы и поэзии), доступные в том числе непрофессиональной общественности. Свое место в журнале занимала и русская проблематика. В первом томе Елинек, занимавшийся, как главный редактор подготовкой издания, перепиской с авторами и редактированием текстов, сам опубликовал только одну статью под названием «Просвещение в России» («Osvěta v Rusku») [Jelínek 1881], где, основываясь на новейших статистических данных, обрисовал картину тогдашнего состояния в области образования в России. Из статьи следует, что по среднему уровню образованности тогда на первом месте находилась Новороссия, за которой следовали Московская и Петербургская губернии.

Наиболее богат статьями с российской проблематикой был второй том «Славянского сборника» (1883). Наряду с публикациями самого Елинека в нем, как и в последующих томах, было также немало статей других авторов на русские темы. Одним из любимых регионов Елинека во время его путешествий к славянам стала Литва, которой в данном томе посвящена его статья «В Литве тишина» («Na Litvě ticho» [Jelínek 1883d: 567–572]. В этом типичном для него очерке выражена ностальгия,

²¹ Из 14 очерков, собранных в этой книге, с Россией связаны следующие: «Русские в Праге (1799–1813)», «Русский “Домострой”», «Княгиня Екатерина Романовна Дашкова», «Из мемуаров русского актера П. А. Каратыгина» и «Михаил Петрович Погодин в Польше и в Чехии».

²² Начиная со второго тома, журнал выходил под названием «Славянский сборник статей из области этнографии, истории культуры, литературной и общественной жизни» («Slovanský sborník statí z oboru národopisu, kulturní historie a dějin literárního i společenského života»).

печаль и сочувствие автора в связи с тогдашней ситуацией в Литве. Следует пояснить, что понятия «Литва» и «литовский» имели для него географическое, а не этническое содержание. Елинек писал прежде всего о славянской среде и культуре в Литве, а именно польской в лице таких ее представителей, как А. Мицкевич, И. Лелевель, Э. Ожешко, А. Г. Киркор и др. Елинек напоминает о роли Виленского университета как центра образования, и всю его статью пронизывают аллюзии, связанные с кульминационными периодами развития польской науки и культуры с ее неизменной шляхетской составляющей. Автор перечисляет этапы упадка польской жизни в Литве в XIX в., переломными моментами в котором стали два польских восстания, но воздерживается от критических высказываний в адрес российских властей. Возможно, не желая задеть русских друзей, он подписал статью псевдонимом Й. Правда.

Из поездки в Россию в 1882 г. Елинек вынес сильные впечатления от Всероссийской художественно-промышленной выставки в Москве, о которой он информировал читателей своего журнала в довольно объемной статье [Jelínek 1883e]. В литературе величайшим авторитетом для него стал И. С. Тургенев. Глубоко опечаленный его кончиной, Елинек написал и опубликовал в журнале некролог с автобиографическим фрагментом одного из произведений писателя [Jelínek 1883b]. Не пропуская круглых дат выдающихся представителей славянских литератур, он к столетию со дня рождения В. А. Жуковского опубликовал его краткую биографию [Jelínek 1883i]. От русских коллег Елинек получал информацию также об отдаленных российских регионах. Подтверждением этого служит его заметка «Из сибирской литературы» («Ze sibiřské literatury») [Jelínek 1883h], где он говорит о современном развитии научных исследований и издательского дела в Сибири, обращая особое внимание на сочинения по географии и этнографии, и знакомит читателей с избранными статьями нового журнала «Восточное Обозрение». В другой публикации он рассказал об издании в России специальной литературы по картографии в течение последних десятилетий [Jelínek 1883c]. Елинек печатал также перечни журналов, выходивших в отдельных славянских областях, указывая и стоимость подписки²³. Уделяя неизменное внимание вопросу образования в России, он высоко оценил деятельность Санкт-Петербургского комитета грамотности, о задачах которого информировал чешских читателей в сообщении по случаю двадцатилетия этого учреждения. Его работу он назвал «одной из прекраснейших страниц в истории российского просвещения» [Jelínek 1883a]. В течение 1883 г. Елинек в «Славянском сборнике» высказывался также по разным вопросам славянской жизни в серии публикаций

²³ О российских журналах см.: [Jelínek 1883f: 584].

под общим названием «Славянские главы», среди которых, конечно же, были и тексты, связанные с Россией.

В следующих четырех томах журнала российская проблематика по-прежнему занимала одно из ведущих мест, хотя публикаций самого Елинека на эти темы стало меньше. В 1884 г. он откликнулся на российские новинки лишь в рубрике «Обзоры о литературе» («Rozhledy v literatuře») [Jelínek 1884]; аналогично обстояло дело и в дальнейшем. Интересуясь славянами, Елинек путешествовал и по неславянскому миру, разыскивая там их следы. Одной из его целей стала Франция, где он, кроме чешской, познакомился также с польской и русской общинами. Сведения о приблизительно трехтысячной русской эмиграции здесь он изложил в первой части публикации «Славянские впечатления из Франции. Несколько страниц из дневника» («Slovanské dojmy z Francie. Několik z deníku vytržených listů») [Jelínek 1885f]. В 1885 г. он включил в «Славянский сборник» один очерк из литовской жизни [Jelínek 1885e] и три некролога восточнославянских деятелей: российского археолога А. С. Уварова [Jelínek 1885c], писателя Ю. С. Анненкова [Jelínek 1885d] и белорусского литератора Винцента Дунина-Марцинкевича [Jelínek 1885g]. В 1886 г., вероятно, из-под его пера (в чем нет уверенности) вышел и был напечатан в «Славянском сборнике» только некролог русского драматурга А. Н. Островского [Jelínek 1886], а в следующем году он лишь касался русских тем в некоторых своих сообщениях.

В период, когда Елинек был редактором «Славянского сборника», как и позднее, в его публикациях не раз возникала тема Сибири — прежде всего в связи с российско-польскими отношениями. Сибирь в его текстах выступает обычно воплощением скорби и бедствий. Трагические судьбы поляков, отправленных царскими властями в сибирскую ссылку, Елинек показал в очерке о семье Фелиньских [Jelínek 1885b], основанном на опубликованных воспоминаниях Эвы Фелиньской и на книге ее сына, архиепископа Зигмунта Шченсного-Фелиньского о его сестре Паулине Фелиньской. Чувство напряжения и горя Елинек воссоздал, используя переписку между сосланной матерью и ее дочерью. В мемуарном очерке «Последний друг» [Jelínek 1894: 85–96] Елинек передал гнетущую атмосферу на железнодорожной станции в Ивангороде (у Елинека — «Ивангород»), где он наблюдал группу приговоренных к отправке в Сибирь, конвоируемых солдатами. Говоря об отношении русских к осужденным, он замечает:

Русские люди отнюдь не «сентиментальны», но преступника, которого гонят в Сибирь, они называют нежным словом «несчастный». Простой крестьянин Болдаров выстроил на сибирском тракте «гостевой дом для преступников», назначив капитал, за счет которого этих «несчастных» принимают и

щедро одевают. Уже ввиду этой черты характера я не могу неблагоприятно судить о русском народе...²⁴ [Jelínek 1894: 88].

Впервые же чешский писатель встретил ссылаемых в Сибирь в Варшаве в 1880 г., о чем он лишь вкратце упоминает в своих воспоминаниях. Став свидетелем этапирования осужденных, скованных одной цепью, через ночную Варшаву, он записал в своих заметках: «В темноте и струях дождя от разразившейся ровно тогда весенней грозы, в дрожащем мерцании газовых фонарей сцена сия неволью напомнила мне известный рисунок Гротгера “Путь в Сибирь”. Картина ожила»²⁵.

Тема Сибири возникает также в статье «Следы сибирского беглеца» [Jelínek 1892]²⁶, где Елинек изложил историю Феликса Суйковского, поляка, сосланного за участие в восстании 1863 г. в Иркутскую губернию. Здесь ему предстояла бессрочная служба в российской армии, откуда он, однако, сумел бежать и оказался в Праге, где вскоре после этого, в 1877 г., умер. Елинека его история заинтересовала еще и потому, что о Суйковском он слышал и раньше, в частности, в 1885 г., встречаясь в Варшаве с группой амнистированных сибирских ссыльных. Последняя сибирская нота, о которой здесь стоит упомянуть, звучит в путевом очерке из белорусской жизни под названием «Материнское сердце» («Matčino srdce») [Jelínek 1891a: 83–95]. Елинек описал в ней суд, на котором сам присутствовал, над умственно отсталым белорусским пастухом, убившим свою мать, за что его сослали в Сибирь.

Из русских писателей для Елинека по-прежнему оставался образцом Тургенев, которому чешский редактор уделял много внимания не только в «Славянском сборнике». После того как к нему в руки попал первый том писем Тургенева, изданный 1885 г., он опубликовал сообщение о нем в чешской печати [Jelínek 1885a]. Елинек ценил как творчество Тургенева, так и его характер и взгляды, которые не изменились и после продолжительного пребывания за границей. По этому поводу он заметил:

Тургенев не изменился — как лицо его до последнего оставалось прекрасным лицом русского человека, так и душа его не удалялась от родины. Отличие только в том, что Тургенев не был ретроградом и не считал, что благое

²⁴ В оригинале: «Ruský národ jistě není ‚sentimentální‘, ale zločince na Sibíř hnaného jmenuje měkkým slovem ‚nešťastného‘. Prostý sedlák Boldarov vystavěl na poušti vedoucí k Sibíři ‚pohostinný dům pro zločince‘, a při tom domě založil kapitál, z něhož ‚nešťastní‘ zločinci bývají pohostováni a štědrě obdarováni. Již pro tuto charakteristickou stránku nemohl bych o ruském lidu smýšleti nepřívětivě».

²⁵ «Варшава. Путешествие второе», цит. по: [Černý 1904: 115].

²⁶ Позже статья была перепечатана в [Černý 1904: 130–141].

дело русское — благое лишь потому, что это дело русское и православное²⁷ [Jelínek 1885a: 1].

Елинек также выразил удовлетворение в связи с тем, что в изданный том не особенно вмешивалась российская цензура.

5. Отношение Елинека к России и славянскому вопросу

Для чешской интеллигенции — представителей национального возрождения XIX в. — интерес к России и русофильские настроения были с самого начала крайне важны. Перелом произошел в начале тридцатых годов в связи с восстанием 1830 г. в Польше, когда царскую Россию начали более критически воспринимать, например, П. Й. Шафарик и Ф. Л. Челаковский, в особенности же молодое поколение. Аналогично складывалась ситуация после польского восстания 1863 г. Однако симпатии, которые чешские политики, публицисты и интеллектуалы (преимущественно представлявшие «младочешское» течение) проявляли тогда к полякам, в последующие годы стали постепенно затухать, так что на рубеже 1860–70-х гг. в чешской политике и журналистике вновь возобладало русофильство. Создание австро-венгерской дуалистической монархии в 1867 г. воспринималось как крах чешских национальных устремлений, поэтому чешские политики и журналисты опять повернулись лицом к Российской империи. Вследствие разногласий чешских политиков с польскими представителями в государственном совете и с католическими кругами интерес чешского общества к польским делам притупился.

Как убежденный полонофил выступал — например, в своей публикации «Поляки и чехи» («Poláci a Češi»; Прага, 1863) — чешский публицист, педагог и политик, сменивший «младочешскую» ориентацию на «старочешскую», Эмануэл Тоннер (1829–1900). Он, однако, в начале 1870-х гг. умерил свои полонофильские взгляды и в книге «Искреннее слово к полякам и русским» («Slovo upřímné Polákům a Rusům»; Прага, 1871) советовал полякам, чтобы в ожидавшемся тогда российско-германском конфликте они, поборов вражду, встали на сторону России. Вместе с тем он рекомендовал им отказаться от части своих требований (например, возвращения границ польского государства к состоянию до 1772 г.), а русским — признать некоторые права польского населения. Из других известных представителей чешской культурной и политической жизни от полонофильских настроений отказались, перейдя к русофильству, в

²⁷ В оригинале: «Ale Turgeněv se nezměnil; tak jak tvář jeho do poslední chvíle byla překrásným typem ruského muže, tak duch jeho nevzdaloval se od vlasti. Rozdíl jen v tom, že Turgeněv nebyl zpátečníkem a že nepřipouštěl, že dobrá věc ruská je dobrá jen proto, že je ruská a pravoslavná».

частности, поэт и журналист Ян Неруда (1834–1891), «младочешский» политик и журналист Карел Сладковский (1823–1880) или журналист, соучредитель газеты «Народни листы» и также «младочешский» политик Юлиус Грегр (1831–1896) [Krejčí 1955: 354]. У последнего перемена взглядов произошла в 1867 г., когда он, до тех пор заядлый полонофил, принял активное участие в «паломничестве на Русь»²⁸. Главным чешским полонофилом в 1870-е гг. оставался католический священник, каноник и настоятель Вышеградского капитула Вацлав Штулц (1814–1887), переводивший на чешский язык польскую литературу. Чешско-польские связи на практике развивал также другой католический священник, поэт и деятель национального возрождения Болеслав Яблонский (наст. имя Карел Тупы), настоятель монастыря премонстранток в деревне Звезинец (ныне часть Кракова) [Bartoš 1963: 53–54].

Чешское русофильство 1880-х гг., однако, было далеко не единым. Внутренний кризис царского самодержавия, кульминацией которого стало убийство царя Александра II народовольцами в 1881 г., отозвался и в чешских политических и культурных кругах. Общество расколола так называемая проблема двух Россий (царской и революционной), которая проявлялась зачастую еще резче, чем споры между русофилами и полонофилами [Krejčí 1955: 354].

Со второй половины 1870-х гг. свое место среди представителей чешского общества, занимавших разные позиции в славянском вопросе, искал и Эдвард Елинек. Можно сказать, что своим взглядам, которые сформировались у него к началу 1880-х гг., он остался верен до конца своей жизни. Его романтическому видению действительности наиболее отвечала концепция славянской взаимности Яна Коллара. Приверженный ей, он выражал веру в будущее славянства, в освобождение и сближение славянских народов, вместе с тем признавая их право на индивидуальность, собственный язык и свободное развитие. Из чешских политиков на него оказали влияние видные деятели «старочешской» партии Франтишек Палацкий и Франтишек Ладислав Ригер, стоявшие на русофильских позициях, но не относившиеся к Российской империи безоговорочно некритически. Другим заметным деятелем чешского национального возрождения, формировавшим отношение Елинека к славянам, был поэт, журналист и политик, представитель «австрославизма» Карел Гавличек (1821–1856), который изложил свои изменившиеся взгляды на Россию в публикации, печатавшейся с продолжением под названием «Зарисовки с Руси» («Obrazy z Rusi»; 1843–1846).

Елинек был идеалистом-романтиком, опиравшимся на выше-названные авторитеты, и в то же время он принадлежал к тем чехам,

²⁸ Об этом «преображении» Грегра см. [Doubek 2004: 145–149].

которые стремились глубже познать какой-либо иной славянский этнос, помимо русского. В центре его интересов находилась Польша, и со временем он стал ведущим представителем чешских полонофилов. Следует, однако, подчеркнуть, что его полонофильство — хотя он и указывал на несправедливость России в отношении поляков — не подразумевало вражды или неприязни к России и к русскому народу. Напротив, как это демонстрирует прежде всего «Славянский сборник», он интересовался Россией и в своих работах уделял должное внимание русской проблематике. Взгляды Елинека на славянство отличали гуманизм, уважительность и деликатность. Характеризуя понимание им славянства, Йозеф Йирасек писал: «Эдвард Елинек — это чешский Леже²⁹. Популяризатор, который не закрывает глаза на ошибки, но старается взвешенно подходить к недостаткам или мягко на них указывать»³⁰ [Jirásek 1945: 186]. С научной точки зрения, согласно Елинеку, каждый народ имеет право рассматриваться объективно; важны люди — славяне, не большие или малые, богатые или бедные и т. д. В связи с этим он напоминал:

Таких принципов упорно держался наш Гавличек; единым оком, сердцем и разумом он судил о правах и поступках первого из польских магнатов и последнего русского мужика, российского премьер-министра и последнего польского «хлопа»³¹ [Jelínek 1883g: 211–212].

После восстания 1863 г. российско-польский конфликт стал неотъемлемой частью многочисленных дискуссий на чешской политической сцене, в литературе и журналистике. Елинек при каждом своем посещении России, а в ее составе и Царства Польского, и Литвы с Белоруссией, знакомился с политической, религиозной, национальной и культурной ситуацией в царской империи. В 1880-е гг. его позиция в российско-польском вопросе уже достаточно сформировалась, и он изложил свои взгляды в нескольких сочинениях. Первой была публикация, адресованная польской общественности, «Славянская идея в Чехии» («Idea Słowiańska w Czechach»; Краков, 1881). За ней последовала книга «Ради чешско-польского согласия. Несколько заметок насущных и исторических» [«Pro shodu česko-polskou. Několik úvah věcných i historických»] (Прага, 1887), в которой автор развил положения своей

²⁹ Луи Леже (1843–1923), профессор славянских языков и литературы в Коллеж де Франс. Занимался главным образом славянской мифологией; свободно говорил и писал по-чешски.

³⁰ В оригинале: «Edvard Jelínek — tof český Léger. Je popularizátorem, oči před chybami sice nezavírá, nedostatky však hledí vyrovnávat nebo jen jemně naznačovatí».

³¹ В оригинале: «Takových zásad vzdorně držel se náš Haviček; jedním okem, jedním srdcem a jedním rozumem posuzoval právo i čin prvního polského magnáta i posledního mužika ruského, prvního ministra ruského a posledního chlopa polského».

польскоязычной работы. Считая российско-польский конфликт одним из ключевых моментов для чешско-польских связей в тот период, он захотел поделиться с соотечественниками своими наблюдениями и результатами изучения данного вопроса. Так же как и в последующих своих публикациях, Елинек комментировал проблему и указывал на камни преткновения в тогдашних российско-польских отношениях, но вместе с тем подчеркивал, что его суждения относятся не к русскому народу, а к системе власти. Это были основательные комментарии, зачастую опиравшиеся на новейшую русскую и польскую литературу, но в них не прослеживается авторская концепция и отсутствуют предложения по преодолению конфликта. Наряду с этим Елинек обозначил свое мнение по поводу украинской ситуации: «Что до единства великорусской и малорусской ветви, разбирать это не буду; замечу лишь, что данный вопрос еще не решен, как заявляют многие»³² [Jelínek 1887: 27].

Свои взгляды он уточнял и в других работах. Некоторые из них появились в связи с полемикой в журнале «Час» («Čas») в 1891 г., которую начал «младочешский» политик Карел Крамарж (1860–1937) серией публикаций под названием «Впечатления от России» («Dojmy z Ruska»; №№ 1, 2, 4, 5, 6). Елинек по предложению редакции откликнулся на них статьями «О споре русско-польском» («Ke sporu rusko-polskému»; №№ 9–10), в которых отстаивал свои давние убеждения. Здесь он, кроме прочего, писал: «Я не противник России, но я противник русификации нерусских народов славянских» [Jelínek 1891b: 140]. На заметки Елинека отреагировали в одноименных статьях (в № 12) славист и публицист Адольф Черны (1864–1952), затем вновь Карел Крамарж (в № 13) и последним (в №№ 14–15) философ и в тот период «младочешский» политик Томаш Гарриг Масарик (1850–1937). В частности, Масарик попытался предложить решение спора, заявляя, что русские должны предоставить полякам полную автономию и обеспечить права польского языка в учебных заведениях и учреждениях. Вместе с тем он утверждал, что в данных политических обстоятельствах поляки не могут иметь собственного государства [Masaryk 1891: 239–240].

Прежнюю точку зрения на обсуждаемый конфликт Елинек развил после своей двенадцатой поездки по польским областям, совершенной в 1892 г. Свои наблюдения он обобщил в книге «Дела польские. Славянские чаяния» («Věci polské. Slovanské tužby»; Прага, 1893). В ней Елинек вновь размышляет о германизации и русификации, возведенных разделившими Польшу державами в ранг государственной политики. Польское восстание 1863 г. он считал неверным шагом, но в то же время

³² В оригинале: «Co se jednotnosti větve velkoruské a maloruské dotýče, rozlušťovati to nehodlám, podotýkám jen, že otázka ta není ještě překonána, jak mnozí prohlašují».

выражал несогласие с репрессиями со стороны царских властей после его поражения. В связи с этим он писал:

Мы осуждаем последнее польское восстание как несчастливое и ошибочное предприятие, но в его внутренней сущности, и еще менее — в его последствиях для России мы не усматриваем никаких причин для обоснования или даже оправдания всего того, что произошло после этого востания и что по сей день толкуется и изображается как результат 1863 года³³ [Jelínek 1893: 13].

Тема неблагоприятных российско-польских отношений Елинека как славянского идеалиста волновала настолько, что он воплотил ее даже в своем беллетристическом произведении «Бабочка из Норвежской сказки. Роман молодой девушки» («Motýlek z Norské pohádky. Román mladá dívky»; Прага [1895]). Действие романа разворачивается в русской среде после восстания 1863 г.; главная героиня, девушка-приемыш Надежда, в конце концов узнает, что она не русская, а полька, после чего знакомится со своими оставшимися в живых сестрами и братом, и они все вместе переезжают в родную литовскую усадьбу. В книге Елинека, через которую отчетливо проходит тема русско-польского конфликта, звучат мотивы любви к родине, странствий и возвращения, но сюжет проработан слабо, и все повествование сентиментально до слащавости.

К российско-польскому вопросу Елинек обратился также в сборнике лирических зарисовок в прозе под названием «Мелочи. Наброски мелом» («Nahodilosti. Křídové gysy»; Прага, 1895). Так, в очерке «Варшавские колокола» («Zvony varšavské») он показал различия между польской и русской Варшавой на фоне празднования католической и православной Пасхи [Jelínek 1895b: 75–76].

В обществе славян Елинек находил естественным говорить на каком-либо славянском языке (по-польски или по-русски); если кто-то в ходе такой беседы обращался к нему по-немецки, это вызывало его возмущение. Подобную ситуацию он описал в своих воспоминаниях³⁴, рассказав, как в 1890-е гг. встретился в мастерской своего друга, польского художника Яна Стыки в Кельце с русским генералом (в тексте он выступает под фамилией Девийе). Когда после короткого общения Елинек предложил генералу, упорно говорившему только по-немецки, перейти на польский (прослужив много лет среди поляков, тот, конечно же, понимал польский язык и, скорее всего, мог на нем изъясняться),

³³ В оригинале: «Zavrhuje me poslední polské povstání jako podniknutí nešťastné a chybné; ale v jeho podstatách vnitřních, tím méně v jeho konsekvencích pro Rusko nespátřujeme nikterak odůvodnění neb dokonce ospravedlnění všeho toho, co se po tomto povstání událo a podnes jako následek roku 1863 se vykládá a předstírá».

³⁴ «“Мистическое” открытие польского художника и встреча с русским генералом», цит. по: [Černý 1904: 89–97].

его поразило ответ собеседника, что в России среди офицеров считается неприличным говорить по-польски. Весь этот диалог велся на фоне патриотических картин Стыки. Тем самым автор указал на нетерпимое отношение к польскому языку в русском обществе.

6. Заключение

В обширном наследии Елинека российской проблематике посвящена лишь небольшая часть им написанного: в его творчестве преобладают сочинения на польские темы, где автор воспекает жизнь шляхты в Литве и Белоруссии, восхищается варшавскими салонами или старинным Краковом. Тем не менее тема России поднимается в нескольких десятках его произведений, часть из которых, вероятно, еще остается разбросанной по разным периодическим изданиям. Это статьи, рецензии, сообщения, библиографические обзоры, публикации о польско-русских отношениях, очерки и роман.

Наиболее пристальный интерес Елинека к России заметен в начале его творчества, когда он во время своих путешествий знакомился с Россией, русским народом и его культурой. В те годы на страницах чешской печати появилось больше всего его публикаций о России и русско-чешских связях. Неоспоримая заслуга в этом принадлежала его русскому другу в Праге подполковнику Ендогурову. После того как Елинек стал главным редактором «Славянского сборника», он напечатал там не так много собственных работ о России (прежде всего это были обзоры и рецензии), однако неукоснительно следил за тем, чтобы публикации, посвященные России, занимали в этом периодическом издании должное место. Сам он писал здесь преимущественно на польские темы, но и в этих работах, которые касались территорий Польши до 1772 г., вошедших в состав Российской империи (Царство Польское, Литва, Белоруссия), российская проблематика также была с неизбежностью представлена.

В 1880-е гг. стабилизировались взгляды Елинека на славянский вопрос и российско-польский конфликт. Последовательно по той и другой проблеме он высказался в нескольких своих работах. В Чехии первой из них была книга «Ради чешско-польского согласия. Несколько замечаний насущных и исторических» («Pro shodu česko-polskou. Několik úvah věcných i historických»). Публикации Елинека нельзя назвать строго научными, скорее это были популярные или научно-популярные тексты. Автор в них воздавал должное русской литературе и театру и информировал о деятельности культурных учреждений. Эти его сочинения уточняли представления чешских читателей о русском обществе того времени и служили важным источником познания русской культуры в

период с 1870-х гг. Говоря в своих работах на польскую тему в том числе о нетерпимости правительства к польскому языку и образованию, Елинек указывал на ошибки царских властей. Однако, как мы уже отмечали выше, он не предлагал путей решения кризиса в отношениях двух близких славянских народов. Елинек был лишь комментатором польской ситуации в царской России, но при отстаивании прав поляков выступал умеренно, избегая конфронтации. Для читателей той поры, как и для современных исследователей, возможно, наибольший интерес представляют краткие этнографические очерки, в которых он освещал те или иные темы, основываясь на впечатлениях, вынесенных из его собственных путешествий. В остальном сочинения Елинека пронизаны духом романтизма и порой чрезмерной сентиментальностью, в чем иногда отдавал себе отчет и сам автор.

Библиография

Интернет-ресурсы

Jelínek

Jelínek, Edvard, 1855–1897 (<http://provenio.net/authorities/42173>).

Источники

Černý 1904

Černý A., vyd., *Vzpomínky Edvarda Jelínka*, Praha, 1904.

— 1877a

Jelínek E., Divadla slovanská. II. Petrohrad, *Hudební a divadelní věstník*, 12 (1), 20. 8. 1877, 89–92.

— 1877b

E. J. [Jelínek E.], Divadlo, umění, literatura, *Posel z Prahy*, 104, 16. 4. 1877, 2.

— 1877c

Jelínek E., Duševní práce pobratimých národův slovanských v r. 1876, *Nitra. Dar dcerám a synům Slovenska, Moravy, Čech a Slezska obětovaný*, 7, *Turčiansky Svätý Martin*, 1877, 285–322 [322–325 Dodatek redakce „Nitry“].

— 1877d

Jelínek E., Fontanka, *Lumír*, 19 (5), 10. 7. 1877, 303–304.

— 1877e

Jelínek E., Na Něvě, *Koleda. Čtení pro náš lid*, 3 (2), 20. 1. 1877, 34–36.

— 1877f

Jelínek E., Nikolaj Matvějevič Endogurov. Upomínka, *Pokrok*, 11, 9. 11. 1877, 1.

— 1878

Jelínek E., Rusové v Praze (1799–1813), *Lumír*, 12 (6), 30. 4. 1878, 186–188.

— 1879a

Jelínek E., Domostroj. List z dějin společenského života na Rusi, *Lumír*, 9 (7), 30. 3. 1879, 133–135; 10 (7), 10. 4. 1879, 150–151.

- 1879b
Jelínek E., Charakteristika v mluvě slovanské, *Národní listy*, 90 (19), 16. 4. 1879, 1–2.
- 1879c
Jelínek E., Michail Petrovič Pogodin v Polsku a v Čechách, *Lumír*, 31 (7), 10. 11. 1879, 485–488.
- 1879d
Jelínek E., Vzájemnost slovanská v Čechách, *Koleda. Čtení pro náš lid*, 2 (4), 10. 1. 1879, 22–25; 3 (4), 20. 1. 1879, 38–42; 4 (4), 1. 2. 1879, 53–57; 5 (4), 10. 2. 1879, 69–72; 6 (4), 20. 2. 1879, 85–88.
- 1880a
Jelínek E., Kněžna Kateřina Romanovna Dašková. List z dějin společenského a státního života na Rusi, *Lumír* 22 (8), 10. 8. 1880, 342–344; 23 (8), 20. 8. 1880, 358–360.
- 1880b
Jelínek E., Rodina ruských milionářů. (Demidové), *Národní listy*, 81 (20), 3. 4. 1880, 1.
- 1881
J[elínek E.], Osvěta v Rusku, *Sborník slovanský. Statí z ohoru národopisu, kulturní historie a dějin literárního i společenského života*, 1, 1881, 165–166.
- 1883a
J[elínek E.], Dvacetiletí petrohradského komitétu „Gramotnosti“ (С.-Петербургский комитет грамотности), *Slovanský sborník. Statí z oboru národopisu, kulturní historie a dějin literárního i společenského života*, 2, Praha, 1883, 153.
- 1883b
J[elínek E.], Ivan Sergejevič Turgeněv, *Slovanský sborník. Statí z oboru národopisu, kulturní historie a dějin literárního i společenského života*, 2, Praha, 1883, 524–526.
- 1883c
J[elínek E.], Kartografická literatura na Rusi, *Slovanský sborník. Statí z oboru národopisu, kulturní historie a dějin literárního i společenského života*, 2, Praha, 1883, 523–524.
- 1883d
Jelínek E., Na Litvě ticho, *Slovanský sborník. Statí z oboru národopisu, kulturní historie a dějin literárního i společenského života*, 2, Praha, 1883, 567–572.
- 1883e
Jelínek E., Průmyslová a umělecká výstava v Moskvě r. 1882, *Slovanský sborník. Statí z oboru národopisu, kulturní historie a dějin literárního i společenského života*, 2, Praha, 1883, 28–33.
- 1883f
J[elínek E.], Přehled slovanského časopisectva (kromě politického), *Slovanský sborník. Statí z oboru národopisu, kulturní historie a dějin literárního i společenského života*, 2, Praha, 1883, 530–532; 584; 632.
- 1883g
Pravda E. J. [Jelínek E.], Slovanské kapitoly. II. O slovanské pravdě v poučné literatuře», *Slovanský sborník. Statí z oboru národopisu, kulturní historie a dějin literárního i společenského života*, 2, Praha, 1883, 211–212.
- 1883h
Jelínek E., Ze sibiřské literatury, *Slovanský sborník. Statí z oboru národopisu, kulturní historie a dějin literárního i společenského života*, 2, Praha, 1883, 373–374.
- 1883i
J[elínek E.], Žukovského jubilejní slavnost. (1783–1883), *Slovanský sborník. Statí z oboru národopisu, kulturní historie a dějin literárního i společenského života*, 2, Praha, 1883, 208–209.
- 1884
Jelínek E., Rozhledy v literatuře, *Slovanský sborník*, 3, 1884, 221.

- 1885a
Jelínek E., Feuilleton. Slované rozhledy. II, *Pokrok*, 191, 14. 7. 1885, 1–2.
- 1885b
Jelínek E., Feuilleton. Slované rozhledy, *Pokrok*, 222, 14. 8. 1885, 1–3.
- 1885c
J[elínek E.], Hrabě A. S. Uvarov, *Slovanský sborník: statí z oboru národopisu, kulturní historie a dějin literárního i společenského života*, 4, Praha, 1885, 161–162.
- 1885d
Jelínek E., Jurij Semenovič Anněnkov, *Slovanský sborník: statí z oboru národopisu, kulturní historie a dějin literárního i společenského života*, 4, Praha, 1885, 275–276.
- 1885e
Jelínek E., Na panství Něšvěžském. Litevská črta, *Slovanský sborník: statí z oboru národopisu, kulturní historie a dějin literárního i společenského života*, 4, Praha, 1885, 374–383.
- 1885f
Jelínek E., Slované dojmy z Francie. Několik z deníku vytržených listů, *Slovanský sborník: statí z oboru národopisu, kulturní historie a dějin literárního i společenského života*, 4, Praha, 1885, 422–428.
- 1885g
J[elínek E.], V. Dunin Marcinkěvič, *Slovanský sborník: statí z oboru národopisu, kulturní historie a dějin literárního i společenského života*, 4, Praha, 1885, 276–277.
- 1886
[Jelínek E.], Aleksandr Nikolajevič Ostrovskij, *Slovanský sborník: statí z oboru národopisu, kulturní historie a dějin literárního i společenského života*, 5, Praha, 1886, 384–386 [s kresbou].
- 1887
E. J. [Jelínek E.], *Pro shodu česko-polskou. Několik úvah věcných a historických*, Praha, 1887.
- 1888
Jelínek E., *Ukrajinské dumy*, Praha, 1888.
- 1889
Jelínek E., *Slovanské črty ze života společenského, literárního i uměleckého*, Praha, 1889.
- 1891a
Jelínek E., *Jasem i stínem: slovanské črty z různých stran*, 1, Praha, 1891.
- 1891b
Jelínek E., Ke sporu rusko-polskému, *Čas. List věnovaný veřejným otázkám*, 9 (5), 28. 2. 1891, 139–142.
- 1892
Jelínek E., Stopy sibiřského zběha, I. Herrmann, red., *Černá hodinka. Vzpomínky členů Máje*, 1, Praha, [1892], 173–183.
- 1893
Jelínek E., *Věci polské. Slované tužby*, Praha, 1893.
- 1894
Jelínek E., *Jasem i stínem: slovanské črty z různých stran*, 2, Praha, 1894.
- 1895a
Jelínek E., *Motýlek z Norské pohádky. Román mladé dívky*, Praha, [1895].
- 1895b
Jelínek E., *Nahodilosti. Křídové rysy*, Praha, 1895.
- Masaryk 1891
Masaryk T. G., Ke sporu rusko-polskému, *Čas. List věnovaný veřejným otázkám*, 15 (5), 11. 4. 1891, 236–240.

Rulík 1800

Rulík J., *Kalendář historický, obsahující krátké a summovní poznamenání všechněch proměn, příběhů, nejvyšších nařízení, válek, atd. jak v slavném národu a království českém, tak i na díle v jiných národech a zemích zběhlých*, 3: *Od léta 1798 až do léta 1800*, Praha, 1800.

Русский православный храм 2007

Русский православный храм Святых первоверховных апостолов Петра и Павла в Карловых Варах, Москва, 2007.

Шишков 1870

Шишков А. С., *Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова*, 1–2, Berlin, 1870.

Литература

Bartoš 1963

Bartoš O., *Vztah českých polonofilů k Rusku*, *Bulletin Ústavu ruského jazyka a literatury*, 7, Prague, 1963, 53–60.

Dolanský 1959

Dolanský J., *Masaryk a Rusko předrevoluční*, Prague, 1959.

Doubek 2004

Doubek V., *Česká politika a Rusko (1848–1914)*, Prague, 2004.

Jaroszewicz-Kleindienst 1968

Jaroszewicz-Kleindienst B., *W kręgu polonofilskiej działalności Edwarda Jelínka*, Wrocław, Warszawa, Kraków, 1968.

Jirásek 1945

Jirásek J., *Rusko a my. Dějiny vztahů československo-ruských od roku 1867 do roku 1894*, 3, 2 vyd., oprav., Prague, 1945.

Krejčí 1955

Krejčí K., *Svatopluk Čech a Rusko*, *Česká literatura*, 4 (3), 1955, 350–377.

Pernes et al. 2003

Pernes J., Toman K. M. et al., *Pod císařským praporem. Historie habsburské armády 1526–1918*, Prague, 2003.

Prelog 1931

Prelog M., *Poutí Slovanů do Moskvy roku 1867*, Prague, 1931.

Sís 1929

Sís V., *Olšanské hřbitovy*, Prague, 1929.

Szabo 2010

Szabo M., *Pražské hřbitovy. Olšanské hřbitovy I & II*, Prague, 2010.

References

Bartoš O., *Vztah českých polonofilů k Rusku*, *Bulletin Ústavu ruského jazyka a literatury*, 7, Praha, 1963, 53–60.

Dolanský J., *Masaryk a Rusko předrevoluční*, Praha, 1959.

Doubek V., *Česká politika a Rusko (1848–1914)*, Praha, 2004.

Jaroszewicz-Kleindienst B., *W kręgu polonofilskiej działalności Edwarda Jelínka*, Wrocław, Warszawa, Kraków, 1968.

Jirásek J., *Rusko a my. Dějiny vztahů československo-ruských od roku 1867 do roku 1894*, 3, 2nd ed., Praha, 1945.

Krejčí K., *Svatopluk Čech a Rusko*, *Česká literatura*, 4 (3), 1955, 350–377.

Prelog M., *Poutí Slovanů do Moskvy roku 1867*, Praha, 1931.

Sís V., *Olšanské hřbitovy*, Praha, 1929.

Szabo M., *Pražské hřbitovy. Olšanské hřbitovy I & II*, Praha, 2010.

prof. PhDr. **Petr Kaleta**, Ph.D.
profesor katedry historie
Masarykova univerzita, Pedagogická fakulta,
603 00 Brno, Poříčí 7
Česká republika / Czech Republic
kaleta@ped.muni.cz

Received August 31, 2019